

О воспитании

Толстой Л. Н. О воспитании // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 62–69.

1909 г.

(Ответ на письмо В. Ф. Булгакова).

Постараюсь исполнить ваше желание – ответить на ваши вопросы.

Очень может быть, что в моих статьях о воспитании и образовании, давнишних и последних, окажутся и противоречия и неясности. Я просмотрел их и решил, что мне, да и вам, я думаю, будет легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю об этих предметах.

Это для меня будет тем легче, что в последнее время эти самые предметы занимали меня.

Во-первых, скажу, что то разделение, которое я в своих тогдашних педагогических статьях делал между воспитанием и образованием – искусственно. И воспитание и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании, о том, в чем, по моему мнению, заключаются недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно быть, и почему именно таким, а не иным.

То, что свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащихся, я признаю, как и прежде, т. –е. и угрозы наказаний и обещания наград (прав и т. п.), обуславливающие приобретение тех или иных знаний, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию.

Думаю, что уже одна такая полная свобода, т. –е. отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающихся, избавило бы людей от большой доли тех зол, которые производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование. Отсутствие у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких либо твердых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия, все это порождено в большой степени насильственными и корыстными приемами образования.

И потому, для того чтобы образование было плодотворно, т. –е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, нужно, чтобы образование было свободно. Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащихся, так и для учащихся, не было собранием произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающихся, так же как и у обучаемых, было общее и тем и другим основание,

вследствие которого избирались бы для изучения и для преподавания наиболее нужные для разумной жизни людей знания и изучались бы и преподавались в соответственных их важности размерах. Таким основанием всегда было и не может быть ничто иное, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества, как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и значения человеческой жизни, т. –е. религии.

Так это было прежде и так это есть теперь там, где люди соединены одним общим религиозным пониманием жизни и верят в него. Так это было и сотни лет тому назад в христианском мире, когда все, за малыми исключениями, верили в церковную христианскую веру. Тогда у людей было твердое, общее всем основание для выбора предметов знаний и распределения их, и потому не было никакой нужды в принудительном образовании.

Так это было за сотни лет. Но в наше время такой общей большинству людей христианского мира веры уже нет; в наше время самое влиятельное сословие, людей науки, руководящее общественным мнением, не признавая христианства в том виде, в котором оно преподается церквями, не верит уже ни в какую религию. Мало того, так называемые эти передовые люди нашего времени вполне уверены в том, что всякая религия есть нечто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужным человечеству, теперь же составляющее только препятствие для его прогресса, и старательно прямыми и обходными приемами уверяют в этом слепо верящее им молодое поколение, стремящееся к образованию. Поддерживают же церковное учение только люди правительственные и то только внешним образом и в той мере, в которой такая вера в народе полезна для их целей.

Так что в наше время и в нашем мире, при отсутствии общей большинству людей религии, т. –е. понимания смысла и назначения человеческой жизни, т. –е. при отсутствии основы образования, невозможен какой бы то ни было определенный выбор знаний и распределение их. Вследствие этого-то отсутствия всякой разумной основы, могущей руководить образованием, и кроме того вследствие возможности для людей, находящихся во власти, заставлять молодые поколения обучаться тем предметам, которые им кажутся выгодными, и находится среди всех христианских народов образование в таком превратном и жалком, по моему мнению, положении.

Количество предметов знания бесконечно, и так же бесконечно то совершенство, до которого может быть доведено каждое знание. Сравнить область знания можно с выходящими из центра сферы бесконечного количества радиусами, могущими до бесконечности быть удлиненными. И потому совершенство в деле образования достигается не тем, чтобы учащиеся усвоили очень многое из случайно избранной области знания, а тем, чтобы, во-первых, из бесконечного количества знаний прежде всего были переданы учащимся знания о самых важных и нужных предметах, а во-вторых, тем, чтобы знания эти были доведены до относительно одинаковой степени, так чтобы передаваемые знания подобно одинаковой длины и одинаково равномерно друг от друга отделенным радиусам, определяющим сферу, составляли бы гармоничное целое.

Такой выбор знаний и такое распределение их было возможно в европейском мире, пока люди верили в ту какую бы то ни было форму христианской религии, которая соединяла их. Теперь же, когда у большинства веры этой уже нет, вопрос о том, какие знания вообще полезны, какие могут быть вредны, какие нужны прежде, какие после и до какой степени должны быть доводимы те или другие, уже не имеет никакого основания для своего решения и решается как попало и совершенно произвольно теми людьми, которые имеют возможность насильственно передавать те или иные знания, вопрос решается так, как это для них в данное время наиболее удобно и выгодно.

Вследствие этого–то и произошло в нашем обществе то удивительное явление, что, продолжая сравнение со сферой, в нашем обществе знания распределяются не только не равномерно, но в самых уродливых соотношениях: некоторые радиусы достигают самых больших размеров, другие же вовсе не обозначены. Так, например, люди приобретают знания о расстояниях, плотности, движениях на миллиарды верст от нас отстоящих звезд, о жизни микроскопических животных, о воображаемом происхождении организмов, о грамматике древних языков и тому подобный вздор, а не имеют ни малейшего понятия о том, как живут и жили их братья люди, не только отделенные от них морями и тысячами миль и веками, но и люди, живущие сейчас с ними рядом в соседнем государстве: чем питаются, как одеваются, что работают, как женятся, воспитывают детей, каковы их обычаи, привычки и, главное, верования. Люди узнают в школах все об Александре Македонском и Лудовике XIV и его любовницах, знают о химическом составе тел, об электричестве, радие, о целых так называемых «науках» о праве и богословии, подробно знают о повестях и романах, написанных разными, считающимися «великими» писателями и т. п., знают о совершенно ни на что ненужных и скорее вредных пустяках, а ничего не знают о том, как понимали и понимают смысл своей жизни, свое назначение, и какие признавали и признают правила жизни миллиарды живших и живущих людей, две трети всего не христианского человечества.

От этого–то и происходит то удивительное в нашем мире явление, что люди, считающиеся среди нас самыми образованными, суть, в сущности, люди самые невежественные – знающие множество того, чего никому не нужно знать, и не знающие того, что прежде всего нужно знать всякому человеку. И мало того, что люди эти грубо невежественны, они еще и безнадежно невежественны, так как вполне уверены, что они очень ученые, образованные люди, т. –е. знают все то, что по их понятиям нужно знать человеку.

Происходит это удивительное и печальное явление от того, что в нашем называемом христианском мире не только опущен, но отрицается тот главный предмет преподавания, без которого не может быть осмысленного приобретения каких бы то ни было знаний. Опущена и отрицается необходимость религиозного и нравственного преподавания, т. –е. передачи молодым поколениям учащихся тех с самых древних времен данных мудрейшими людьми мира ответов на неизбежно стоящие перед каждым человеком вопросы: первое – что я такое, какое отношение мое, моей отдельной жизни ко всему бесконечному миру, и второе – как мне сообразно с этим моим отношением к миру жить, что

делать и чего не делать?

Ответы же на эти два вопроса – религиозное учение, общее всем людям, и вытекающее из него учение нравственности, тоже одинаковое для всех народов, – ответы эти, долженствующие составлять главный предмет всякого образования, воспитания и обучения, отсутствуют совершенно в образовании христианских народов. И еще хуже, чем отсутствуют, заменяются в нашем обществе самым противным истинному религиозному и нравственному обучению собранием грубых суеверий и плохих софизмов, называемых законом Божиим.

В этом, я полагаю, главный недостаток существующих в нашем обществе приемов образования. И потому думаю, что для того, чтобы в наше время образование было не вредно, каково оно теперь, в основу его должны непременно быть поставлены эти отсутствующие в нашем образовании два самые главные и необходимые предмета: религиозное понимание жизни и нравственное учение.

Об этом самом предмете я писал в составленном мною «Круге чтения» следующее:

«С тех пор, как существует человечество, всегда у всех народов являлись учителя, составлявшие науку о том, что нужнее всего знать человеку. Наука эта всегда имела своим предметом знание того, в чем назначение и потому истинное благо каждого человека и всех людей. Эта–то наука и служит руководящей нитью в определении значения всех других знаний.

«Предметов наук бесчисленное количество; и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства становятся, как они и сделались у нас, праздной, а если праздной, то и вредной забавой.

«Единственное объяснение той безумной жизни, противной своему сознанию, которую ведут люди нашего времени, заключается именно в этом, в том, что молодые поколения обучаются бесчисленным, самым сложным, трудным и ненужным предметам, не обучаются только тому, что одно нужно, тому, в чем смысл человеческой жизни, чем она должна быть руководима и что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди всех времен и всего мира».

Скажут: «Нет такого общего большинству людей религиозного учения и учения нравственности». Но это неправда, – во-первых потому, что такие общие всему человечеству учения всегда были и есть, и не могут не быть, потому что условия жизни всех людей, во все времена и везде одни и те же, во-вторых потому что во все времена среди миллионов людей всегда мудрейшие из них отвечали людям на те главные жизненные вопросы, которые стоят перед человечеством.

Если некоторым людям нашего времени кажется, что таких учений не было и нет – то происходит это только от того, что эти люди принимают те затемнения и извращения, которыми во всех учениях скрыты основные религиозные и нравственные истины, за самую сущность

учений. Стоит только людям серьезно отнестись к вопросам жизни, и одна и та же, и религиозная и нравственная, истина во всех учениях, от Кришны, Будды, Конфуция до Христа, Магомета и новейших религиозных мыслителей, откроется им.

Только при таком разумном религиозно–нравственном учении, поставленном в основу образования, может быть и разумное, и не вредное людям, а разумное образование. При отсутствии же такой разумной основы образования не может и быть ничего другого, как только то, что и есть теперь, нагромождение пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний.

Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности.

Продолжая сравнение с радиусами, проводимыми из центра, учение о религии и нравственности, по отношению ко всем другим знаниям, подобно тем трем взаимно перпендикулярным диаметрам, которые определяют направление и соотношение всех радиусов сферы и ту степень длины, до которой они могут быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое целое – сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знание, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым, это ответы на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого проходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру? и второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным?

Ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека, разъяснение же ответов на эти вопросы не могло не быть среди миллиардов прежде живших и миллионов живущих теперь людей. И оно действительно есть в учениях религии и нравственности, не в религии и учении нравственности какого–либо одного народа известного места и времени, а в тех основах религиозных и нравственных учений, которые одни и те же высказаны всеми лучшими мыслителями мира от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна Апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананда, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сквороды и др.

И потому думаю, что до тех пор, пока эти два предмета не станут в основу образования, не может быть никакого разумного образования.

Что же касается дальнейших предметов знания, то думаю, что порядок их преподавания выяснится сам собой при признании основой всякого знания учения о религии и нравственности. Весьма вероятно, что при такой постановке дела первыми после религии и нравственности предметами будут изучения жизни людей самых близких: своего народа, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятий, средств существования, обычаев, верований, мирозерцаний. После изучения

жизни своего народа думаю, что при правильной постановке дела образования столь же важным предметом будет изучение жизни других народов, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев.

Оба эти предмета, точно так же, как и религиозно–нравственное учение, совершенно отсутствуют в нашей педагогике и заменяются географией, изучением названий мест, рек, гор, городов, и историей, заключающейся в описании жизни и деятельности правителей и преимущественно их войн, завоеваний и освобождений от них.

Думаю, что при постановке в основу образования религии и нравственности изучение жизни себе подобных, т. –е. людей, то, что называется этнографией, займет первое место и что точно так же, соответственно своей важности для разумной жизни, займут свои соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания.

Думаю так, но не берусь ничего утверждать о распределении знаний. Утверждаю же я только одно, то, что без признания основным и главным предметом образования религии и нравственности не может быть никакого разумного распределения знаний, а потому и разумной и полезной для обучающихся передачи их.

При признании же основой образования религии и нравственности и при полной свободе образования все остальные знания распределятся так, как это им свойственно сообразно тем условиям, в которых будет находиться то общество, в котором будут преподаваться и восприниматься знания.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить его во главе образования. В этом, по моему мнению, в наше время состоит первое и, пока оно не будет сделано, единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени, не той, которая вычисляет тяжесть той звезды, вокруг которой вращается солнце, или исследует происхождение организмов за миллионы лет до нашего времени, или описывает жизни императоров, полководцев, или излагает софизмы богословия или юриспруденции, а той одной, которая есть точно наука, потому что нужна действительно людям. Нужна же людям потому, что, наилучшим образом отвечая на те одни и те же вопросы, которые везде и всегда ставил и ставит себе всякий разумный человек, вступающий в жизнь, она содействует благу как отдельного человека, так и всего человечества.

Вот все, что имел сказать. Буду рад, если это пригодится вам.

Ясная Поляна.

1–го мая 1909 года.

Примечания

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

История написания этой статьи–письма рассказана В. Ф. Булгаковым. В 1909 г. он задумал «составить подробное и строго систематическое изложение мировоззрения Толстого». Приступив к этой работе, он почувствовал недостаток в материалах для точного определения взглядов Толстого на задачи, границы и методы образования. «Я не мог не заметить, что педагогические статьи IV тома «Собрания сочинений» во многом противоречили позднейшим, хотя и весьма немногочисленным, писаниям Толстого по вопросам воспитания и образования. Почти исчерпывающая вопрос статья «О ложной науке» тогда не была еще написана. В виду всего этого я решил обратиться с письменным запросом непосредственно к самому Л. Н–чу» (В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», изд. «Задруга». М. 1918, стр. 14).

8 апреля 1909 г. секретарь Толстого Н. Н. Гусев известил Булгакова, что Лев Николаевич ответит на вопросы после того, как перечтет свои прежние педагогические статьи. В мае 1909 г. Булгаков получил ответ Толстого вместе с сопроводительной запиской Гусева, 458 извещавшей о том, что письмо Булгакова «подало Льву Николаевичу повод написать большую статью об образовании и воспитании».

Как видно по рукописным датам (на обложках рукой Н. Н. Гусева и под текстом), статья эта была начата в апреле 1909 г. – именно 11 апреля, когда Толстой записал в Дневнике: «Всё не могу, как хочется, ответить Булгакову. Постараюсь написать нынче» (см. т. 57). Закончена она 1 мая того же года. Чтение последней копии, собственноручно подписанной и отправленной Булгакову (см. в описании рукописей № 9), происходило, как видно из дневника Гусева, 3 мая 1909 г.: «Сегодня Л. Н. подписал письмо о воспитании, над которым он работал последние три недели. Он не совсем доволен им, находя его «тяжелым» (Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник». М. 1912, стр. 276).

Статья была впервые напечатана в журнале «Свободное воспитание» 1909–1910 г., № 2, столб. 1–12, с большим количеством цензурных пропусков. Полностью – в сборнике: Л. II. Толстой, «О науке», изд. «Единение». М. 1917, стр. 65–75. В настоящем издании печатается по авторской корректуре с исправлением погрешностей по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В Рукописном отделении ГТМ (АЧ, папка 139) хранятся следующие рукописные материалы статьи «О воспитании».

№ 1. Автограф. 3 листа почтовой бумаги. Текст на обеих сторонах. Карандашная пагинация: 1–6. Начало; «<Оч. желаю и> Постараюсь исполнить ваше желаніе»...; конец: «... математика. Такъ вотъ»

На обложке рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Письмо Булгакову. Апр. 09».

Из этого автографа (лл. 2 и 3) взят вариант.

№ 2. Машинопись. 4 лл. писчей бумаги 4°. Первые два – копия с лл. 1 об. и 2 автографа № 1 (до черты, сделанной в автографе карандашом); подлинник остального текста не сохранился. Начало: «ніе нераздельны. Нельзя воспитывать»...; – конец: «... прежде всего должны быть передаваемы учащимся». Много авторской правки.

На обложке рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Булгакову. 13/IV. 09».

№ 3. Машинопись – копия с рукописи № 2. 6 лл. писчей бумаги 4°. Текст неполный (некоторые листы перешли в следующие копии). Начало: «ніе нераздельны. Нельзя воспитывать».... Много авторской правки.

Под текстом л. 5, кончающегося словами: «буду очень радъ», дата машинкой: «12 апреля, 09 года. Ясная Поляна». Лист 6 представляет копию л. 5 (без начала) и имеет дату: «13 апреля 1909 г. Ясная Поляна». На обложке рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Булгакову. 17/IV. 09».

№ 4. Машинопись – копия с рукописи № 3. 9 лл., из которых два – почтовой бумаги с новым автографом, 1 – срезок, а остальные – 4°. Новая большая правка. Начало: «учащихся, а отъ общаго, свободно–обязательнаго»...; конец: «Буду радъ, если это пригодится вамъ». На л. 9 под текстом дата: «17 апреля 1909 г.» На обложке – рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Булгакову 20/IV 09».

№ 5. Машинопись – копия с рукописи № 4. 12 лл., из которых 7 лл. – 4°, а остальные – срезки. На одном листе – новый автограф. Начало: «учащихся, а отъ общаго и темъ и другимъ»...; конец тот же, что и в предшествовавшей рукописи. Много новой авторской правки. На обложке – рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Булгакову 22/IV 09».

№ 6. Машинопись – копия с рукописи № 5. 17 лл., из которых 9 лл. – 4°, 1 л. – почтового размера, а остальные – срезки. Л. 1 – копия с л. 1 автографа № 1, перешедшая сюда из предыдущих копий. На л. 8 об. – новый большой автограф. Начало: «Постараюсь исполнить ваше желаніе»...; конец тот же, что и в предшествовавшей рукописи. Много новой авторской правки. На обложке – рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Булгакову (о воспитании) 26/IV 09».

№ 7. Машинопись – копия с некоторых листов рукописи № 6. 6 лл., из которых 4 лл. – 4°, остальные – срезки. На л. 1 об. новый автограф. Новая авторская правка. На обложке – рукой Н. Н. Гусева: «0 воспитании 30/IV 09».

№ 8. Машинопись – копия, составившаяся из заново скопированных с рукописи № 7 листов и из перешедших из предыдущих копий. 19 лл. 4°. Первый полный текст. Под текстом – дата рукой Н. Н. Гусева: «1 мая 1909». На обложке – машинкой: «0 воспитании».

№ 9. Машинописная копия. 9 лл. папиросной бумаги формата развернутого почтового листа, с поправками рукой Толстого

(карандашом). Под текстом – собственноручная подпись: «Левъ Толстой». Дата рукой В. М. Феофановой: «1-го Мая 09 г.» Эта рукопись была послана В. Ф. Булгакову в ответ на его письмо. Рукопись числится в ГТМ под № 754.

Тут же – два письма Н. Н. Гусева к В. Ф. Булгакову (от 8 апреля и 8 мая 1909 г.).

№ 10. Дубликат предыдущей копии с нанесением из нее авторских поправок и с новыми исправлениями рукой Толстого (чернилами).

№ 11. Авторская корректура (для журнала «Свободное воспитание»). 8 гранок с пометками 2–9 (первой нет). В тексте поправки рукой Толстого. На обороте последней гранки рукой Толстого (красным карандашом): «Послать Ив. Ив. (Горбунову–Посадову). В ГТМ корректура числится под № 41.

Кроме того, имеются пять пустых обложек, в которых раньше лежали рукописи, с пометками рукой Н. Н. Гусева: 1) Булгакову 17/IV вечером 09, 2) Булгакову 18/IV 09 вечером, 3) Булгакову 19/IV 09, 4) 0 воспитанию (Булгакову) 29/IV 09 и 5) Булгакову. 0 воспитанию 30/IV. Оконч. копия 1 мая.

Сноски

6. Далее в рукописи зачеркнуто: или еще другіе такіе же глупости или обманы

458. Оригиналы обоих писем Н. Н. Гусева лежат в одной обложке с рукописью N (см. описание рукописей).